

Латрея - сектархизм

или

Последствия жизни людей в условиях, отличных от тех, при которых обезьяна становилась человеком

Кирьяко А. Г.

Введение.

Эта статья является продолжением статьи «**Очередной декаданс и его причины**», (http://www.shestopaloff.ca/085Paper_for_Thoughts.pdf) помещенной в предыдущем выпуске «Мыслей» (<http://www.shestopaloff.ca/indexrus.html>). В определенном смысле та статья была неполна. Я в ней привел основания считать, что поведение людей довольно жестко подчиняется выработанным эволюцией инстинктам, к которым и следует апеллировать, когда речь идет о каких то явлениях в обществе. Речь шла об особенности поведения представителей современного западного общества, конкретное проявления которого удачно описаны в следующем абзаце (<http://fritzmorgen.livejournal.com/1001496.html>):

«Сильно увлечённые каким-то вопросом люди становятся похожи на сектантов. Им кажется, будто самое важное в жизни — это та проблема, которой они в данный момент увлечены. Глобальное потепление, например, чтобы не упоминать без нужды более больных и горячих тем. Им кажется, что все вокруг только и думают, что про глобальное потепление, и что если кто-то отказывается поддержать их святую борьбу против этого подступающего Армагеддона — это подлец и предатель, вероятно, даже купленный теми, кто нагревает нашу атмосферу».

Неполнота статьи заключалась в том, что я не указал на конкретные причины возникновения и развития такого сектантства. Попытаюсь это сделать теперь.

Особенностью нового сектантства является полное отсутствие его связи с религией, в частности с богом или какими-то потусторонними силами. Поэтому, мне кажется, необходимо ввести новый термин, который бы определял этот род поклонения, культа.

Воспользовавшись по традиции латинским и древнегреческим языками, я подобрал два таких термина 1) **латрея** (культ, поклонение в др-греч.) и 2) **сектархизм** (от латинского «секта» и др-греч. – «архи» - власть). Не знаю, какое из них лучше, но буду пользоваться первым, как более кратким. Дадим определение этому термину:

Латрея (или сектархизм) – *ортодоксальная вера в справедливость (истинность) идеи или совокупности идей, не связанных с потусторонним миром.*

Основное отличие латреи от религии в том, что объекты религии человек никогда не наблюдал; в противоположность этому, объекты латреи существуют и их наблюдение доступно всем. Тем не менее, латрею и религию объединяет цель: их последователи требуют, чтобы к их вере присоединялись все и готовы к уничтожению всех, кто не придерживается их идей. Эта готовность в религии проявлялась во многих религиозных войнах, инициированных христианской церковью в Европе; в инквизиции, нескольких «крестовых походах», уничтожении аборигенного населения южной и северной Америк, а ныне в джихаде против «неверных», который объявили приверженцы крайнего «чистого» ислама. Последователи латреи тоже в последнее время для насаждения своих идей

перешли к реальным насильственным действиям (смотри о событиях в Шарлевиле, США), и чем это закончится, неизвестно.

Конкретных проявлений латреи много, и они, в большинстве своем, не связаны друг с другом. Их объединяет именно ортодоксальная вера в справедливость конкретной идеи, которой придерживаются поклонники данной секты. В данном случае, нас будет интересовать возникновение ортодоксальных идей и почему этих идей так много.

Для конкретного противодействия новым «крестоносцам» несомненно потребуется показать, в чем ошибочность латреи; показать, что ее результаты способны привести к гибели людей и целых обществ. Причем это может случиться вовсе не в результате войн и убийств. Но это уже тема других статей.

К счастью, уже появились публикации, статьи и даже книги, анализирующие этот феномен. О них речь будет ниже. Мое знакомство с ними привело к тому же заключению, что и в случае с Глаббом: отличный анализ происходящего не сопровождается вскрытием эволюционного механизма этого явления. Именно этим я и хотел бы дополнить существующий анализ.

В данном случае, для анализа нам будет необходимо познакомиться с конкретными случаями проявления латреи. Вот с этого мы и начнем.

1.0. Конкретные примеры латреи

1.1. Социализм и коммунизм – первые латреи

Либерализм начался с левых идей, воплотившихся сначала в идеях социализма, а затем, в доведенных до крайности К. Марксом идеях так называемого «научного коммунизма». Сейчас эти идеи часто именуют утопическими. Но это слово не отражает сущности коммунистических идей. На самом деле, если не считать социализма, коммунизм по Марксу - это первая из латрей: совокупность идей, которые никак не связаны с реальностью и, более того, полностью противоречат естественным законам существования человека.

На эту тему я когда-то написал краткую заметку на Мыслях: «Тезисы по эволюции экономики» (<http://www.shestopaloff.ca/archive/060economics.html>) Ограничусь ею. Для дополнительного чтения предлагаю почитать «Об основателе «научного коммунизма» без бороды и ретуши»: <http://vpk-news.ru/articles/38608> и

<http://www.posprikaz.ru/2013/04/pochemu-karl-marks-i-fridrix-engels-nenavideli-rossiyu/> Точно такими же были все коммунисты, руководившие построением коммунизма в отдельно взятых странах земного шара.

1.2. Примеры латреи в современных западных странах

Предлагаю познакомиться с современным состоянием этого вопроса по отдельных цитатам (адреса позволяют ознакомиться с содержимым подробно)

Спасибо Соросу: в США замаячил призрак «новой гражданской»
<http://katyusha.org/view?id=7549>

Само собой, где есть протест, там появляются и «профессиональные протестующие». Как только объявили о сносе памятника, в этот небольшой городок начали стягиваться боевики с обеих сторон. За феминисток ехали драться анархисты Сороса и черные расисты, за конфедератов Ку-клукс-клан и белые нацисты. И здесь не было хороших и пушистых, одна из лидеров черных расистов Николь Валентин совсем недавно призвала уничтожать белые семьи и обязать белых женщин делать аборт. Свои расистские заявления она оправдала уже не «выбором женщин», а их обязанностью, чтобы «угнетатели не плодились».

Вот этот материал, (<http://katyusha.org/view?id=6682> «Обыкновенный либеральный расизм: феминистки призвали убивать белую расу с помощью аборт») Просто прочтите для понимания возмущения белого населения такими «правозащитниками»

«Феминизм больше не считает нужным скрывать свое истинное лицо. В американском леволиберальном журнале для феминисток «Медуза» автор, лидер феминисток и «правозащитник» из печально известного Балтимора, где проходили столкновения чернокожего населения с полицией, а также сторонница «альтернативного христианства», **Николь Валентин** (белая по расе) призвала уничтожить белые семьи и обязать белых женщин делать аборты. Свои расистские заявления она оправдала уже не «выбором женщин», а их обязанностью, чтобы «угнетатели не плодились»:

«В прогрессивном обществе много белых семей, которые стоят на пути равенства и справедливости. Системное превосходство белой расы строится, в первую очередь, на традиционной белой семье. Когда белые завоеватели насильственно проникли в Америку, они были быстро начали воспроизводить свое белое общество, иницируя их паразитирование, путем создания белых плантаций, во главе с белым отцом и покорной белой матерью. И, что самое важное, белых детей, с полным владычеством над порабощенным и угнетенным цветными народами, которые были вынуждены придерживаться этих микро-вотчин. Неудивительно, что белая семья идет рука об руку с историческим распространением превосходства белых... Именно поэтому белые семьи должны быть уничтожены.»

И в чем разница между этой борзуньей за право убивать белых и делать из них педерастов, и скинхедом, призывающих убивать черных и делать из них рабов, решительно непонятно. Их можно легко поменять местами – риторика примерно та же. Именно они своими кричалками заводят толпы.

Там же были боевики Антифы, Black Lives Matter (BLM), американские коммунисты, и Демократические Социалисты Америки (ДСА). Про нацистскую сущность «антифашистского» движения Антифа, спонсируемого пособником нацистов Джорджем Соросом, известно давно. BLM – черная расистская террористическая организация, спонсируемая тем же Соросом. А ДСА знаменита тем, что именно в эту партию вступил молодой Барак Обама сразу по приезду в Чикаго.

Добавим, что левые агрессивные защитники природы, например “Фронт Освобождения Животных” и “Фронт Освобождения Земли”, в конце 1990-х годов организовали серию взрывов и поджогов в США. Тимоти МакВей, в 1995 году организовавший взрыв административного здания в городе Оклахома-Сити (погибло 168 человек, более 500 получили ранения), совершил крупнейший теракт в истории США, после атаки небоскребов **11 сентября 2001 года**. (<http://politikus.ru/articles/3415-ekstremistskie-shtaty-ameriki.html> Экстремистские Штаты Америки)

<http://politobzor.net/show-141998-amerikanskije-smi-v-ssha-ustanavlivaetsya-gomodiktatura.html>

Представляем Вашему вниманию две истории о «новом дивном мире», которые обсуждали в конце этого месяца в США два крупных СМИ — FOX NEWS и The American Conservative, в которых прекрасно показано, во что превратилась некогда христианская страна США за каких-то 20 лет ударной пропаганды и насаждения их «ценностей».

«Пятилетняя первоклассница в чартерной школе Роклин в штате Калифорния была вызвана в кабинет директора, после того, как она случайно "неверно распознала гендер" одноклассника», — сообщает сайт канала FOX NEWS.

Случай, произошедший в школе Роклин, является примером ситуации, когда школы становятся площадками для распространения идей ЛГБТ. Единственный шанс для родителей в этой ситуации – четко выразить свою позицию. Возможно, это неприятно и некомфортно, но нам придется встать на пути у этих навязчивых активистов».

Как же Америка докатилась до того, что гомофобами стали называть и преследовать маленьких детей, которым не о гендерах думать, а в куклы играть?

... Пресловутые ЛГБТ-активисты не с неба свалились. Всего 30 лет назад, 72% американцев были против однополых браков и любой политик, выступивший за педерастов, **проиграл бы выборы**. Отношение к «угнетаемым педерастам» начало меняться после того, как в октябре 1979 года 75 тысяч из них приняли участие в первом в истории США Национальном марше на Вашингтон в

защиту прав ЛГБТ. Однако, все это происходило на уровне борцов против потепления или с бедностью в Африке. Seriously их никто не воспринимал, СМИ старались не пиарить, в фильмах не снимали. А они как раз не сидели, отбирая по шагу права у «натуралов», проталкивая своих людей во власть. Все изменилось с приходом к власти Клинтонов и особенно Обамы, когда благодаря Соросу и еще ряду олигархов, движение педерастов объединилось с черными расистами и леваками-троцкистами и анархистами. Оценив возможность контроля над массами у себя и способность разрушать государственность в других странах, Сорос и Клинтон сделали на них ставку, начав в первую очередь эксперимент у себя и Европе. Эффект использования «Окон Овертона», когда в течение года идет целая цепь сдвигов налицо, о ней и говорит Род Дреер. Притом, судя по страху родителей перед «всемогущим ЛГБТ» и безнаказанности разрушения памятников конфедератам-традиционалистам, изменения в США вот-вот вступят в необратимую фазу нового рейха диктатуры педерастов, которая намного хуже, чем диктатура гитлеровцев, разве что пока дело не дошло до сжигания в печах, но так еще и не вечер.

На пороге развала США

<http://politobzor.net/show-141170-na-poroge-razvala-ssha.html>

Почему так происходит? Дело в том, что увеличивающееся среднее богатство индивидуума постоянно поднимает степень свободы его поведения, которое достигло уровня, при котором государство, как аппарат принуждения, уже просто не может удерживать власть, и обязано превращаться в аппарат “любви”, привлечения и соблазнения - только так можно побудить людей хоть что то делать. В Дании, Голландии и Швейцарии народ фактически взял власть в свои руки и уже строит некую форму секс социализма, а в Германии, США и во Франции господствует либерал-позитивный фашизм, и давайте рассмотрим почему так произошло.

Первое предложение в этой попытке объяснения возникновения латреи правильно. Остальное похоже на детский лепет. Давайте послушаем более подготовленных людей

2.0. Анализ происхождения латреи

Этот анализ сделан Манфредом Кляйне-Хартлаге. Манфред Кляйне-Хартлаге (Manfred Kleine-Hartlage), социолог, проживающий в Берлине. Издал в 2010 году книгу "Das Dschihadssystem - Wie der Islam funktioniert" (Система джихада - Как функционирует ислам), сразу приобретшую известность.

Далее я приведу переводы выдержек из его последней книги: [Manfred Kleine-Hartlage Die liberale Gesellschaft und ihr Ende. Über den Selbstmord eines Systems. Edition Antaios 2013.](#) (Манфред Кляйне-Хартлаге. Либеральное общество и его конец. О самоубийстве одной системы). Книга на других языках не издана; переводы сделаны людьми, которых заинтересовала эта тема (см. ссылки).

Ниже публикуется перевод текста первой главы книги М. Кляйне-Хартлаге о либерализме <http://erosen.livejournal.com/56537.html>

Перевод Е. Розена

Манфред Кляйне-Хартлаге. Либеральное общество и его конец. О самоубийстве одной системы

В книге «Система Джихада» я описал, почему и каким образом ислам находит возможности к своей экспансии. Другой стороны проблемы я коснулся в книге лишь походя. Эта другая сторона, собственно, вопрос: откуда появляются возможности для ислама в Европе? Почему и как ему открываются все двери? Кто способствует этому? И, не в последнюю голову, почему и как всё это действует?

Какой бы не была, в своём роде, совершенной система исламского джихада, следует признать, что он не располагает какой-либо существенной военной мощью и поскольку он и в других аспектах уступает Западу, можно сказать, что живёт джихад не столько своей силой, сколько слабостью Европы.

Эта слабость — смесь самоуничтожения, исторической амнезии, упадка культуры, равнодушия, ослеплённости, предательства и идеологической деструктивности вызвана

не исламом — она только используется им.

В новой книге я буду следовать утверждению, что наше общество, наши так называемые элиты, одержимы идеологией, которая неизбежно должна привести к упадку европейской культуры даже в том случае, если бы ислама не было бы вообще.

Я начну сначала с абстрактной, но далее продолжу всё более конкретной критикой этой идеологии, в которой будут приведены конкретные симптомы распада нашего общества вследствие феноменов, **как гендеризм, глобализм, культурный релятивизм, синкретизм, массовая миграция и пр. и как эти феномены между собой связаны.** Отсюда и предварительное рабочее название книги «Ликвидация цивилизации».

Я покажу, что эти послышки, базирующиеся на связанной с ними левототалитарной химерической системе, подразумеваются большинством людей, как само собой разумеющееся и, поэтому, ими не осознаются, и это тем меньше, чем ближе эти люди находятся к источникам общественного идеологического производства.

Анатомию этой химерической системы в грубых чертах я проанализировал в первой главе под названием «Наследие холодной войны», которую я публикую ниже.

Я исхожу из наблюдения, что десятилетиями тянувшееся противостояние между Востоком и Западом — одновременно **идеологическое противостояние между либерализмом и марксизмом — привело к тому, что темы этой идеологической конфронтации попросту стали темами политики.**

Традиционная третья политическая сила, назовём её для простоты «правые», в свою очередь, надолго потеряла политическую конкретику. **«Консерватизм» стал в конце концов, в некотором роде, непоследовательным, инертным либерализмом и это реальное состояние его сегодняшнего дня.**

То, что марксизм и либерализм обеспечили себе единый идеологический рынок-олигополию означает, **что описание других общественных реалий стало или затруднительно или невозможно:** я имею здесь в виду такие реалии, которые не могут быть определены ни марксизмом, ни либерализмом в их идеологических понятиях и на их идеологических языках.

Поскольку марксизм и либерализм несмотря на все противоположности вовсе не являются независимыми друг от друга, а, напротив, один представляет собой критику другого и выстраивают её один за счёт другого, в их основе лежит некоторая общая идеология, которую они таким образом пытаются поделить. Я назвал её общей, сверхидеологией - Метаидеологией. О ней пойдёт речь в предлагаемом отрывке из новой книги.

С историческим доминированием либерализма и социализма и, ставших само собой разумеющимися, их противоположностей стали также само собой разумеющимися, т.е. не подлежащими анализу или критике, идеологические послышки, между которыми противоречия в этих идеологиях не возникали.

Рассматривая исторически, либерализм и социализм или, соответственно, марксизм, ни в коей мере не являются непримиримыми противоположностями, какими они представили себя во время холодной войны. Маркс никогда не критиковал либерализм и фаворизированную им капиталистическую систему, как консервативную (в его терминологии: реакционную) идеологию, а напротив, как революционную. Он вполне приветствовал, что буржуазия, сама по себе революционный класс со своей идеологией либерализма и своей революционной капиталистической системой вырывает людей из их сложившихся связей, разрушает их традиционные сообщества, вызывает кризис религии, распяляет общества и это всё в мировом масштабе. То, что мы сегодня называем «глобализацией» предполагалось мысленно Марксом уже 160 лет назад и было продумано до мельчайших последствий.

Маркс не был просто политиком, который, опираясь на свою теорию давал научный прогноз. Все марксовы мысленные построения были бы не поняты, если их не интерпретировать с точки зрения его **«категорического императива», а именно: «уничтожить все отношения, в которых человек является униженным, поработённым, забитым, презираемым существом».** Этот императив является послышкой, не следствием марксова анализа. И эта послышка может быть подписана до сегодняшнего дня любым либералом.

Для либерала, однако же, освобождение человека наступает уже тогда, когда он освобождается от принуждения, прежде всего от принуждения государства.

Марксизм, но не либерализм, разрешает, в противоположность, предполагать, что социальные отношения, в которые люди вступают друг с другом «добровольно», могут самоопределиваться и спрессоваться в структуру, которая людей подчиняет так же эффективно, возможно даже ещё беспощаднее, чем это когда-либо мог бы абсолютный властитель.

Далёкое от реальности пренебрежение социальной основой, на которой основывается поведение личности и от которых оно зависит, это слабость, которую либеральное мышление с его индивидуалистским подходом до сих пор не преодолело. В книге это слабое место либерализма будет раскрыто подробнее, здесь мы ограничимся утверждением, что либеральное и марксистское мышление принципиально отличаются друг от друга только в этом единственном пункте.

Маркс вовсе не оспаривал освободительных ценностных основ либерализма, напоминая ему только, что эти ценности одновременно на базе либеральной идеологии и капиталистической систем недостижимы. Развитие и совершенствование освободительного потенциала, заложенного в либерализме в идеальной, а в капитализме в материальной форме он произвёл и продолжил в собственной системе. Марксизм и либерализм являются духовными родственниками.

Обе идеологии критикуют установленные, не вполне добровольно принимаемые социальные отношения, как, например народ, семья, церковь из-за присущих им моментов власти и несвободы и рассматривают их, вследствие этого, как подлежащих разрушению.

Обе идеологии являются универсалистскими, то есть претендуют на действенность для всех людей и народов, причём либерализм выводит состоятельность этого универсального и всеобщего притязания из прав человека, в то время, как марксизм определяет его напротив, как результат материального глобализирующего процесса, который должен включить в себя всё человечество.

Обе оценивают любое общество — как минимум неявно — с точки зрения утопии, то есть с позиции идеального состояния некоторого абсолютно свободного от господства общества свободных и равных, состояния, не бывшего ещё никогда и возможность реализации которого, в лучшем случае, недоказана.

Эти пункты стали в результате многолетнего доминирования либерального и марксистского идеологических препирательств попросту само собой разумеющимися предпосылками политического мышления, предпосылками, которые, в силу их очевидности, не ставились и не ставятся под сомнение.

Они задают совместно некоторую Метаидеологию, т.е. они определяют что, в принципе, подлежит идеологизации: о чём вообще в западных обществах возможно спорить и о чём нельзя, что может считаться нормальным и разумным и что, как эксцентрическое или предосудительное, должно быть исключено из считающимся серьёзным общественного дискурса, какие идеи, соответственно, имеют шансы на успех и какие нет.

Выясним теперь для себя, что скрывает в себе эта Метаидеология и какие выводы определяют для себя эти дискурсы ещё до того, как они начинаются.

Во-первых она содержит беспрецедентное в человеческой истории вывернутую систему доказательств. В то время, как установившиеся, стабилизирующие ценности, нормы, структуры и убеждения поддерживаются традиционным предположением об их истинности, справедливости и практичности, **под давлением новой Метаидеологии они вынуждены находиться в постоянной и вынужденной самозащите.**

Нечто, зарекомендовавшее себя - традиционно сильнейший аргумент для того, чтобы его сохранить, - не является вдруг аргументом, поскольку аргументация больше не соотносится, как раньше, с постоянно угрожающим падением в хаос и варварство, а определяется сияющими вершинами утопии.

Сама утопия освобождена от необходимости обоснований, особенно, что касается её возможностей собственной реализации, поскольку она представляется не как осуществляемый проект и вовсе не как конкретно сформулированный идеал, **а только, как система стандартов, которая образует рамки, в которых интерпретируется и критикуется общественная действительность.** Утопия всегда присутствует в этой системе норм, но скрыто, в неявном виде.

Так как эти рамки представляют сами по себе как бы очевидность и, поэтому, по большей части, остаются в подсознании, они освобождают себя от любой необходимости легитимации.

Представление, что *традиционное* может гарантировать как культурные, так и специфические общественные, эволюцией проверенные, решения мирного и упорядоченного совместного сосуществования людей - уже едва ли может быть представлено с позиций утопии.

Тот, кто ориентирован на утопию, исходит из предположения, что этой проблемы не существует, что цивилизация является попросту само собой разумеющейся реальностью и что решающей альтернативой здесь является вовсе не «**цивилизация или вараварство**», а «**цивилизация или рай**». По таким меркам всякая цивилизация должна выглядеть несовершенной переходной субстанцией.

Второе. Утопический глобализм обеих идеологий лишает основания для представлений о том, что конкретные общественные порядки могут быть свойственны только определённым обществам и культурам. Однако некоторую избранную цивилизацию, исторически развившуюся на основе исключительно сложной системы норм, ценностей и структур, которые, как культурные самоочевидности, живут в ней её составляющими, утопия без размышлений может предположить возможным без особых изменений пересадить в любую почву или распространить глобально.

Политические идеи, которые учитывают существующее положение вещей и подогнаны на определённые народы и культуры, неизбежно коллидируют с господствующей в обществе Метаидеологией, для которой идеологическая система может быть или универсально действующей или недействительной.

Так имеются, например, либеральные критики ислама, которые отказывают исламу право на существование в связи с его заведомой несовместимостью с либеральными ценностями. То, что ислам является системой джихада, которая в конце-концов укажет Западу на дверь, обосновывал ранее и я. Но говорить, что он похоронит наш порядок, само собой, не означает, однако, возможность оспаривать его легитимность, как основу общественного порядка в странах из которых он происходит. Ислам, если можно так выразиться, это большое предприятие, которое вот уже 1400 лет не идёт банкротом. Что-то он должен бы делать правильно.

Ислам является системой джихада, но он может ею быть только потому, что он консолидирует мусульманское общество, утверждает консенсус в нормах о ценностях и представляет мир с точки зрения своих последователей как осмысленное и целесообразное целое.

Попытки имплантации исламским странам либеральной или коммунистической общественной модели извне или, чего доброго, насильем обречено на провал и если эта попытка вообще чего-нибудь достигнет, то, как нам это представили США в Ираке, а до этого Советский Союз в Афганистане - разрушения общества.

Следует добавить, что большинство мусульман вряд ли признают такое ограниченное толкование значения ислама. По своим собственным претензиям ислам считает себя не менее универсальным, чем Запад.

В третьих Метаидеология содержит в себе определённое представление Запада о политике: политика является, следуя этому, попыткой реализации абстрактного распорядка, абстрактного в смысле, что он связан ни с определённым народом, ни с определённым государством и вообще ни с какой политической категорией.

Политические идеи, которые не имеют целью реализации в *чистом виде идеального* строя, но интересы, скажем, одного определённого народа, будут не только опорочены как «националистические» или «фашистские» в связи с тем, что демагогия принадлежит к грязным средствам политики. Гораздо более непредставимо с точки зрения Метаидеологии то, что инакомыслящие смеют думать не в понятиях абстрактного распорядка. Гражданская, обусловленная локальными интересами позиция будет считаться с этой точки зрения, именно из-за своей гражданственности, не только аморальной или, в лучшем случае, провинциальной, но и будет интерпретироваться, в соответствии с собственной системой логики, как замаскированный универсализм.

Кто, рассмотрим такой вариант, аргументирует с позиции интересов, например, некоторого народа, пропагандирует по мнению Метаидеологии идеологию, по которой достоин внимания только интерес народа, но не индивидуума. Т.е. в соответствии с лозунгом «ты ничто, твой народ — всё», что на самом деле в широком смысле была бы фашистской идеей.

Мысль, что здесь, возможно, идёт вовсе не о предпочтении интересов народа интересам индивидуума, а интересы собственного народа перед интересами других народов, не может прийти в голову представителям Метаидеологии, так как она не содержит никакого абстрактного шаблонного распорядка, в том числе и фашистского.

Мышление в абстрактных распорядках, соединённое с универсализмом, не допускает в уровне человечества никакой лояльности обособленной определённой группе, за исключением того, когда она определяется путём ссылки на некоторый абстрактный распорядок, как, например, «общность западных ценностей». Патриотизм в таких предпосылках не является достоинством сам по себе, он является, например, как «конституционный патриотизм», только тогда и только в той степени достоинством, если он легитимирует себя ссылкой на эту общность ценностей.

Он в прямом смысле этого слова «вторичное достоинство», поскольку нация в свою очередь вторична, являясь только частью «общности ценностей».

С этой точки зрения образуются параллели, как к коммунизму, так и к исламу: обе идейные системы допускают патриотизм, но настолько, насколько нация, в которой он действителен, является частью «социалистического лагеря» или, соответственно, исламской Уммы.

Короче говоря, Метаидеология не допускает различия между Мы и Они, а если и допускает то по сугубо идеологическим критериям.

И, опять-таки, либеральные критики ислама, на системе мышления которых эта позиция представляется особенно наглядной, как раз потому что **они в своём либерализме существенно последовательней, чем майнстримлибералы, готовые поддерживать и совершенно алиберальную идеологию, как ислам:** либеральные критики ислама считают массовую миграцию также и мусульман совершенно приемлемой, **до тех пор пока эти мусульмане придерживаются правил игры либерального общества**, то есть они не колотят свои жёны, не закладывают бомбы, признают гомосексуалистов и т.д. Массовая иммиграция таким образом не является проблематичной, до тех пор пока она не влияет на либеральный распорядок. Здесь не мешает и то, если этот распорядок станет распорядком уже не собственного, а другого народа, поскольку этот народ прекратит своё существование. **Народ — ничто. Либерализм — всё.**

Четвёртое. Универсализм действителен не только географически, то есть для всей планеты, но и предметно — для всех общественных отношений и явлений. Если сами по себе отношения, которые даны индивидууму, т.е. в которые он вступает не в результате сознательного волевого акта, являются злом, от которого людей следует «освободить», то идеология, которая постулирует универсализм, не знает критерия, по которому можно определить области, в которых этот принцип *не* действителен, т.е. «освободить» следует разом от всего в том числе и от отношений *необходимых*.

То, что открытое общество может быть только там, где многие принципы могут находиться в напряжённом отношении друг к другу, не может быть обосновано на базе идеологии, которая считает действительным и толерирует только один принцип — а именно, свободу от установленных отношений.

Бинарная логика, по которой все социальные отношения должны соответствовать освободительным идеалам, в любом другом случае они должны исчезнуть, приписывается естественным образом и критикам этой идеологии.

Вышеприведённое бесцеремонное отождествление патриатизма и фашизма соответствует аналогично манихейскому образу мышления во всех направлениях: тот, кто уповает на теологическое объединение христианства, желает на самом деле «теократическое государство»; тот кто защищает традиционный семейный уклад, тот думает только о закреплении женщины; дискутирующий на темы дисфункциональных особенностей демократии может быть

только её противником; критикующий мультикультурализм может желать только тоталитарного общества; утверждающий, что гомосексуализм с точки зрения природы, не может быть равноценной формой жизненного уклада, является исключительно «гомофобом» со скрытой целью упрятать всех гомосексуалистов в концентрационный лагерь и т.д.

В той мере, как метаидеология укрепляет свою монополию, её последователи становятся абсолютно неспособными представлять себе, что могут иметь место и политические идеологии, целью которых является не осуществление некоторого утопического проекта, который подчинит совокупное общество одной единственной генеральной идее: совокупное общество во всех его жизненных отношениях должно быть подчинено одному единственному принципу, одной единственной идее. Должны исчезнуть, так, по крайней мере, диктует идея, любая идеологическая зона, любая свободная от политики ниша, любое место, где останется так, как это было всегда, не останется ни одного острова, который был бы пощажен революцией.

В описываемой главе не содержится ещё критики всего этого и намерения представить следствия, которые будут иметь место в обществе, если такая идеология будет им усвоена, как само собой разумеющееся, — мы пока ещё только в фазе абстрактной инвентаризации. Но уже на этом абстрактном уровне заметен своеобразный тоталитарный аромат, который Метаидеология распространяет, конкретизируя себя не только в своих марксистских, но и в своих либеральных правилах игры.

В пятых - принятие примата Метаидеологии априорно заключает в себе доказанность *определения истины*: поскольку бесспорной предпосылкой политического мышления является нормативное утверждение утопии, то эта утопия, хотя бы то теоретически, реализуема.

Религиозные или философские точки зрения, которые акцентируют человеческое несовершенство, как, например, учение о христианском первородном грехе, да и даже естественнонаучные утверждения, которые принципиально отвергают возможность реализации либеральной или социалистической утопии, подпадают не только под пресс необходимости самооправдания. Они, по мере проникновения Метаидеологии, **попросту исключаются из области дискуссионных**.

Их клеймят как «ложные», не потому, что они показали себя ложными на основе опыта, а потому, что утопии, стало быть представления, каким *должен* быть мир, если их возвести в догму, априори не могут признавать фактические утверждения истинными, а объявляют их абсурдом. Мировоззрение, основанное не на опыте, а на нормах, может, в лучшем случае случайно и в отдельных случаях совпадать с фактами, полученными на основе опыта. Чем доминантнее это мировоззрение закрепляется в обществе, тем эффективнее оно действует как фильтр, исключая неподходящие факты имеющих общественное признание представлений о действительности, и тем более становится определённым, что представления истины исходят не из опытных наблюдений, а напрямую из идеологии.

Смещение норм и фактов, которое я в своей книге «Система джихада» определил, как существенную характеристику левой идеологии, не просто логическая ошибка. Оно является неизбежным следствием мировоззрения, в котором любая заданная реальность представляется только промежуточной станцией к земному раю.

В шестых из этого определения истины следует и определение врага: уже слово «прогресс», которое в области политики применяется не для описания каких бы то ни было изменений, но исключительно для процессов установления равенства, либерализации и демократизации, предполагает идею, что история знает присущее ей направление и цель, то есть заключает в себе теологическое, если и не вовсе детерминистское представление об истории. Тот, кто не следует этому представлению об исторических процессах, является, рассматривая через очки Метаидеологии, «реакционером», который желает «вращать назад колесо истории» и не увидел «признаков времени». Только простое «назад к» (некоторому предыдущему состоянию) подозревается в аморальном, поскольку прошедшее, только от того, что оно, именно, прошло, с точки зрения этой идеологии «исторически опровергнутое», преодоленное «прогрессом» (равенство, либерализация, демократия) *зло*.

Если, всё же, кто-то захочет вернуться к этому «злу», то он становится плохим человеком, за которым не стоит признавать права на благие намерения. Если же он «отрицает» «истину», что

«утопия» осуществима, то с точки зрения Метаидеологии ему не следует признавать права даже на то, что он может попросту заблуждаться и уж давно не следует принимать во внимание возможности *собственного* заблуждения: инакомыслящий, который не преклоняет голову перед признанным обществом определением истины является попросту лгуном или психопатом, который может быть без угрызания совести обезврежен. И это — заметьте! - с либеральной трочки зрения!

Чем может быть объяснено, отчего определяющие общественное мнение элиты отказываются мерять левый экстремизм той же меркой, что и правый экстремизм, почему консервативных патриотов уже по привычке располагают в сторону близь правого экстремизма и почему понятие «фундаментализм», под которым по всем правилам сегодня понимается консервативное христианство, используется почти в том же оскорбительном смысле, как «фашизм» - левозкстремистские позиции выстроены на почве Метаидеологии, консервативные нет. Последние с точки зрения Метаидеологии являются сами по себе «экстремистскими», хотя они, без вариантов, конституционны: масштабом здесь служит не демократическая конституция, а единение с утопией.

В седьмых утопизм предполагает образ человека, в котором здоровыми и нормальными признаются только те человеческие качества, которые совместимы с соответствующей утопией.

Этот образ означает в обратном смысле, что люди, отказывающиеся от принятия утопии, поскольку они придерживаются других взаимоотношений, ценностей и мировоззрений и защищаются против такого рода политически навязываемых изменений, оказываются не только предвзято заблуждающимися, реакционерами злонамеренными, но и психопатами.

О многом в этом смысле говорит удивительная карьера слова «фобия», которое в прежние времена применялось только для обозначения состояния страха, ну, а сегодня, для обозначения странных «болезней», как гомофобия, ксенофобия и исламофобия.

В книге «Система джихада» я писал: «Само по себе слово «фобия» содержит в себе специальный термин, применение которого в социальных дисциплинах уже потому недопустимо, поскольку **социологи не в состоянии определять, является ли антипатия против некоторой групп лиц фобией или нет.** Если социологи, тем не менее, применяют это выражение даже без того, чтобы быть подвергнутыми критике внутри своего профессионального круга, то уже это обстоятельство является серьёзным признаком действительности идеологически мотивированных предубеждений вплоть до их проникновения в словарь научных терминологии».

Это заключение мы должны в свете вышеизложенных соображений сделать ещё определённое: мы имеем дело не с человеческими недостатками, которые встречаются и среди людей науки, и которые могли бы являться причиной фальсифицирующего проникновения непроверенных идеологических предвзятостей в исследовательский процесс, который без этого был бы вполне безукоризненным. В данном случае образ человека от Метаидеологии внедряется уже как предпосылка в общественнонаучную деятельность. Уже не требуется более психиатрической экспертизы для того, чтобы определить имеет ли в данном случае место «фобия»: Метаидеология сама определяет психиатрический диагноз. Логика, по которой идеологические неконформисты определяются страдающими «фобиями» психически больными, являются теми же, на основании которых диссиденты в Советском Союзе помещались в психиатрические клиники.

Здесь подразумевается также, что в социальное рассмотрение принимаются вовсе не потребности реальных живых людей, а только потребности некоторого выдуманного «нового человека», принадлежность которого этому определению определяется его совместимостью с утопией. «Гуманность», возникающая на основе этих посылок, заключается в перевоспитании реального человека в утопического.

Но как называется идеология, которая сводится к тому, чтобы опираясь на утопический идеал и с претензией на монополию абсолютной истины проникнуть во все области жизни и их, при необходимости, перевернуть или раздавить и это в мировом масштабе? Которая претендует на выводы о законах истории, обвиняет своих критиков в злонамеренности в моральном и больными в медицинском смысле и пропагандирует перевоспитание человечества?

Такую идеологию называют - тоталитарной.

Поскольку эта идеология добилась монополии на осмысливание и толкование и едва ли будет оспариваться, во всяком случае в «серьёзном» дискурсе, мы заканчиваем тревожащим выводом о том, что большинство людей в нашем обществе (может быть и Вы), сами не жалея того, являются последователем тоталитарной идеологии.

Перевод Эллы Грайфер

<https://litbook.ru/article/4576/> (ссылка из блога

<http://berkovich-zametki.com/2013/Zametki/Nomer8/Grajfer1.php>)

Из части I: О глупости интеллектуалов

Очевидно, человеческое общество с самых древних времен существовало, не нуждаясь в инструкциях идеологов, как ему существовать надлежит. Так, возможно, стоит предположить, что в самой природе человека имеется нечто, позволяющее ему создавать стабильные сообщества, не обдумав их предварительно в идеологических категориях?

И если так оно и есть на самом деле, *способна* ли идеология взамен объяснения наблюдаемого человеческого поведения вывести из абстрактных теорий линию поведения «правильного», которое одно только может обеспечить стабильное процветание общества? Особенно если она примется критиковать, а в некоторых случаях даже объявлять преступным все, во что обычно верят, что делают и на что ориентируются люди, не задаваясь вопросом о функции критикуемых установок в процессе поддержания жизни?

В 2009 году Брюс Чарлтон, профессор эволюционной психологии и теоретической медицины, рассмотрел этот вопрос в статье «Почему высокому IQ недостает здравого смысла» (Bruce G. Charlton, *Clever Sillies – Why the high IQ lack common sense*, in: *Medical Hypotheses*, 73, 2009, S. 867–870). По его мнению, абстрактный, аналитический разум является средством для решения *новых* эволюционных проблем, а здравый смысл („*common sense*“), в той или иной мере свойственный даже глупым людям, указывает испытанные пути решения проблем сосуществования людей, с которыми человечество на протяжении своей истории сталкивалось *постоянно*.

Но люди с высоким IQ имеют тенденцию применять свой метод также и к вопросам, с которыми прекрасно справляется здравый смысл, вытесняя его надежные интуитивные решения.

Когда самые высококвалифицированные интеллектуалы отворачиваются от коллективного интеллекта, предпочитая, как принято между обладателями высокого IQ, обобщенную, абстрактную и системную аргументацию, они отвергают экспертную систему в пользу неэкспертной.

Это мышление, не берущее в расчет реальность, особенно типично для людей с высоким IQ, и потому именно на вершине пирамиды, где возникают социально значимые описания ситуации, в частности, в общественных науках и СМИ, наблюдается повышенная концентрация приверженцев неадекватного восприятия реальности, каковое можно также определить как завиральные идеологии. Со временем – в особенности, если означенный дефицит смысла влечет к утопическим социальным экспериментам и поддерживается соответствующим подбором кадров – такие идеологии могут даже монополизировать некоторые области знания. Когда такое происходит, приверженность этим (абсурдным) идеологиям становится признаком, отличающим элиту от плебеев, что позволяет без всякого обоснования отбросить любое альтернативное описание реальности (которое рано или поздно появится, поскольку бесконечно вытеснять ее идеологией невозможно), объявив его "глупостью", "безумием" или "злонамеренностью". Это и есть то, что именуется "политкорректностью".

Морализаторская отравка политкорректности есть реакция на тот факт, что спонтанные инстинктивные реакции распространены шире и ощущаются сильнее, чем абсурдные политкорректные абстракции, тем более что здравый смысл, в отличие от извращенных изысков, обычно оценивает ситуацию правильно. С честной дискуссией политкорректный консенсус абсолютно несовместим. Единственный способ нейтрализовать здравый смысл – заклеить его.

Системы, предназначенные для добывания истины, как, например, наука или СМИ, создают при таких условиях исключительно ложную картину мира, а попытки решения проблем на основе представлений искаженных, иной раз до полной неузнаваемости, приводят, естественно, только к их усугублению.

Здравый смысл – один из естественных психологических механизмов человека, а его отрицание – один из важнейших компонентов идеологической парадигмы, принципиально не признающей существования человеческой природы. Есть множество примеров фатальных ошибок, вызванных таким подходом.

Есть, например, социологи, разработавшие концепцию "враждебности по групповому признаку" – имеется в виду любое проявление "дистанции", критического или отрицательного отношения к меньшинствам и маргиналам. Уже само употребление слова "враждебность" с его отрицательной коннотацией указывает на намерение не *объяснить* природу явления, но вынести ей нравственный приговор, чтобы всякий, у кого обнаружатся такие реакции, не человеком считался, а "вражиной".

К этой самой "враждебности" относят, между прочим, и склонность настаивать на "привилегиях коренных жителей", например, требование к мигрантам, соблюдать нормы, принятые в местном обществе.

Как ни странно, эти "привилегии коренных жителей", в чем бы они ни состояли, наблюдаются в человечестве повсеместно. От школьного класса, где не одобряют зазнайства новичка, до целых народов, не исключая, кстати, и самих левых организаций, дружным хором возмущения реагирующих на "компанию в пивной", что привилегией "коренных" поступиться не желает. Нетрудно продемонстрировать, почему это так: Известно, что человеческое сообщество невозможно без консенсуса по вопросу, кто такие "мы" и каковы "наши" правила игры. Кто этих правил не придерживается, тот угроза для консенсуса, а в конечном итоге и существования "нас" как группы. Чтобы сохранить стабильность, группа вынуждена от посторонних отгораживаться, т.е. не проявлять с ними солидарности, обращаться как с "чужими", пока они не усвоят ее стиль поведения и не присоединятся к ней.

Дискриминация (это слово означает всего лишь "различение", но сегодня его уже вряд ли кто-нибудь способен воспринимать как нейтральное – только как обозначение "несправедливости"). Вот как бездумно, как нечто само собой разумеющееся, перенимает наше общество эгалитаризм левой идеологии. Только тот, кто принципиально исходит из права/обязанности различения, независимо от того, является ли причиной поведение самого "отличаемого", может утверждать, что дискриминация, сиречь различение, есть по определению несправедливость) возникает не по воле одобряющих ее социологов и не по указке какого ни на есть начальства, она не может не возникнуть, даже если социологам она не понравится. Ее порождает тысячелетиями существовавшая в человечестве, возможно, даже закрепленная на генетическом уровне, поведенческая программа. Речь идет об оправдавшем себя в ходе эволюции решении проблемы сохранения группы и ее внутренних правил. В противном случае велика была бы вероятность существования общества, не знающего "привилегии коренных", но такое в природе не встречается.

Это, в частности, означает, что дискриминация чужаков есть необходимая предпосылка их интеграции. Бывают, конечно, случаи, когда дискриминация не только аморальна, но и объективно для общества вредна, но это – дело иное. Здесь речь идет только о том, что подавление естественной реакции означает искусственное возрождение уже решенной человечеством проблемы без всякой надежды найти другое, лучшее решение. Мы ежедневно видим в газетах примеры абсурдных противоречий, в которых запутывается общество, пытаясь чужаков *интегрировать, не дискриминируя* их.

Из части II: О «необобщении»

Стереотипы либерального мышления строятся на нескольких несформулированных предпосылках (...), к примеру: люди выступают в отношении друг с другом индивидуально по свободному выбору. Утверждение смелое до героизма: чтобы между людьми возникли отношения, им достаточно жить на одной улице, в одном городе, в одном обществе, в одной стране. Никто никогда индивидуально не выбирает себе сограждан, да и отношения с ними по сути индивидуальными не являются, а просто *все вместе* они создают среду, в которой живет (возможно, вынужден жить) *каждый индивид*.

Как же обстоит дело со свободой и правами тех, для кого эта самая среда *невыносима*, но нету средств другую найти? Их интересы, выходит, не в счет? Изнанка свободы, которой требует либерализм – всеобъемлющее требование *толерантности*. Ведь в обществе, где каждый не только *вправе поступать*, но и на самом деле поступает, как ему вздумается, пусть даже в рамках закона, проблематичным становится вопрос, какого поведения *ожидать* от ближнего. А фокус-то весь в том, что либеральное общество *не всякому* дает свободу, интересы свои защищать (*pursuit of happiness*), но только *тем*, кто готов учитывать ожидания окружающих, того же ожидая от них. Интересы тех, кто от других ничего не требует, но и сам не намерен ни с кем считаться, в счет не идут. Толерантность для всех обязательна, не исключая и тех, кому она совсем не по нраву, кто от других ее не ждет и не просит.

Причем, все это никого особо не беспокоит, покуда существует определенный консенсус на предмет, что приемлемо и что терпимо. Пока законопослушность – в значительной степени усвоенная культурная норма, т.е. практикуется даже когда на горизонте не видно полицейского; пока демократические процедуры считаются честными; пока сохраняется в обществе минимальная солидарность, т.е. готовность собственные интересы во имя интересов общества потеснить, и у порядочного человека не создается впечатления, что он просто лох. Покуда дело обстоит таким образом, нарушение правил остается исключением, а преступность – маленькой верхушечкой сравнительно небольшого айсберга. Правовое государство в состоянии с помощью судебной системы справиться с отдельным преступником.

Но и наилучшему правовому государству не одолеть преступности, ставшей явлением массовым, и чем оно либеральнее, т.е. чем больше уважает права гражданина, тем быстрее это выяснится. Чем сильнее распространяется преступность, чем опаснее она становится, тем меньше либеральности может себе позволить правовое государство. Организованная преступность, терроризм, использование в преступных целях интернета и *коррупция* – самое опасное, ибо посягает на самую сердцевину правового государства – вот проблемы, которые правовое государство разрешает усилением регламентирования и контроля, т.е. либеральность убывает пропорционально росту преступности.

Но ведь этот рост – не случайность. Начнем хотя бы с организованной преступности – это не итальянское, русское или китайское изобретение, она и в других местах встречается. Но стоит отметить, что сицилийская мафия есть, а вот фризской нету; русская есть, а датской не имеется; бывает китайская, но не бывает швейцарской. Еще отметить стоит, что именно в странах, где процветает мафия, и коррупция определенно больше распространена, чем на севере, западе или в центре Европы.

Значит, есть на свете культуры, где законопослушность плохо усвоена и выражена слабо, где видят в государстве не воплощение общественного блага, а скорее силу враждебную, что дает неплохие шансы различным частным силовым структурам. При массовой иммиграции носителей таких культур они и структуры эти *с собой приносят* и государству проблемы создают, каких не было до их иммиграции. Это вовсе не означает, что в таких организациях состоят все или хотя бы большинство иммигрантов из указанных стран, но их присутствие в таком количестве создает в некотором роде почву, вибрирующую в резонанс мафиозным структурам. Соответствующая среда создается массовой иммиграцией *как таковой*.

То же самое можно сказать и о терроризме. Терроризм возникает там, где либеральная демократия не в силах интегрировать определенные течения в обществе, поскольку они стремятся эту самую демократию устранить. Терроризм вполне может быть и доморощенным, как, к примеру, левый терроризм семидесятых и восьмидесятых годов. Этот терроризм, равно как и менее заметные формы насилия левых, сделался серьезной политической проблемой, что есть верный признак ослабления интегрирующего потенциала либеральных систем и усиления центробежных сил, порождаемых самими этими системами.

Но если подвергать их дополнительной нагрузке, ввозя миллионы людей, которым принципы либеральной демократии глубоко чужды и даже представляются безнравственными с точки зрения глубоко укорененных в них идеалов справедливого и богоугодного, т.е. исламского, порядка, то такая иммиграция с высокой вероятностью породит оппозиционный настрой. Проявления его будут очень разнообразными – от пассивного сопротивления через пропаганду ненависти вплоть до террора, до которого дойдет, конечно, лишь ничтожное меньшинство, верхушка айсберга. Но выглядывающая верхушка – свидетельство того, что айсберг существует.

С коррупцией никак не удастся совладать не только в третьем мире. Она укоренена в соответствующих культурах, причем, по той же самой причине, что организованная преступность. Так что же произойдет, если открыть доступ в местный государственный аппарат людям, которые привезли с собой культуру с подобными компонентами? Разумеется, не все они станут брать взятки, но в целом коррупция не может не возрасти.

Такие предупреждения, как правило, отменяются поверхностным общественным мнением с требованием «не обобщать», не ставить под подозрение ту или иную группу иммигрантов (или какое-нибудь меньшинство) в целом. Но ведь статистика никогда и не предполагает вынесения суждения о каждом конкретном случае, она всего лишь дает прогноз – что произойдет, если проигнорировать ее предсказания.

Не существует никакого «права на иммиграцию», каждый человек имеет лишь право пребывания на территории государства, гражданином которого является. Кроме того, всякое государство имеет право решать, кого к себе пускать, а кого не надо. Таково его суверенное право, т.е. никому (кроме собственных граждан, если демократическое) оно не обязано давать отчет, кого и почему оно впускает или нет. Принимая подобные решения, государство может и должно руководствоваться интересами своих граждан, и если они требуют «обобщения», то «обобщать» придется.

Впрочем, с точкой зрения либерализма этот тезис несовместим, хоть и поддерживают его иногда люди, именующие себя либералами, но они проявляют (здоровую) непоследовательность. Ведь если «свобода» как таковая есть естественное право человека, она естественно должна включать и свободу передвижения, и устройства на жительство, где понравится. По логике идеологии, исходным пунктом которой являются «права человека», не может свобода передвижения ограничиваться государственными границами, даже если «свободный человек» – заведомый преступник.

В таком случае государство обязано *оправдываться* за то, что не впускает того или иного индивида, лишаясь тем самым *суверенитета*, т.е. *права неподотчетности*. Решение, не допускать иммиграции лиц, принадлежащих к определенному народу, является с точки зрения этой идеологии «дискриминацией», «нарушением прав человека», «расизмом» и т.п. Не потому чтобы оно на самом деле было таким, но потому что причина его принятия – интересы *коллектива*. Либерал-индивидуалист по определению не может признать легитимным такой запрет.

Из части III: О роли меньшинств

Мы уже убедились, что чем более гомогенно население государства, тем в нем прочнее гражданский мир. Под гомогенностью следует понимать не стрижку под одну гребенку, но наличие общих представлений о добре и зле, справедливости и несправедливости, правде и лжи, своих и чужих. Терпимость к исключениям из правил и отклонениям от нормы не проблема лишь пока исключения подтверждают правило, а не устраняют его. Не может быть демократии без понимания нации как коллективного субъекта. Традиционные для данного общества представления о семье и браке не могут быть «делом вкуса», ибо напрямую связаны с выживанием народа. А идеология, отказывающаяся учитывать все эти факторы, готовит обществу, как минимум, серьезные осложнения.

И еще мы отметили, что подавляющее большинство человечества учитывает эти факторы посредством здравого смысла, а здравый смысл есть не что иное как собрание проверенных эволюцией и оттого само собой разумеющихся решений фундаментальной проблемы существования сообщества.

Мы уже упоминали, что это отнюдь не исключает ни поиска новых путей и методов, ни целесообразности либерализации в смысле расширения поля допустимых отклонений от норм и правил.

Но тем более само собой разумеется, что прежде чем пропагандировать ослабление культурных норм, равноправие культур меньшинств, долговременное сохранение в иммигрантских сообществах чуждых привычек и традиций, переосмысление представлений о браке и семье и иные фундаментальные изменения в традиционной системе ценностей, не худо бы выяснить, соответствуют ли такие преобразования на самом деле интересам большинства, которое пока что большого восторга не проявляет, озабочиться доказательством их полезности или хотя бы безвредности. А то может оказаться, что какая-нибудь леволиберальная идеология просто использует интересы этнических и религиозных меньшинств (например, мусульман) или

маргинальных групп (например, гомосексуалистов) для разрушения общественных структур вопреки воле и интересам большинства.

Таких доказательств не приводится, напротив – вся идеологическая индустрия, включая и (частично самозванных) защитников меньшинств пусть неохотно, но честно сознается, что налицо *конфликт интересов*:

Они это признают уже тем самым, что непрерывно призывают к толерантности. Слово "толерантность" происходит от латинского "толларе" (терпеть, переносить), а "переносить", как известно, приходится неприятности. Никому ведь не придет в голову говорить о толерантности, принимая друга, которого сам в свой дом пригласил, "толерантность" предполагает неудобства. (Manfred Kleine-Hartlage, Warum ich kein Linker mehr bin, Schnellroda 2012, S. 65 f.)

Признание, впрочем, разве что подразумевается. Если упоминается конфликт интересов как таковой, то лишь затем, чтобы исходя из метаидеологии (точнее, ее левого варианта, принципиально отстаивающего интересы "слабого", т.е. в нашем случае – меньшинств) изначально и безальтернативно отрицать законность интересов большинства. Такая идеология не допускает рассмотрения противоположных интересов как равнозначимых и равнооправданных, но трактует их как столкновение между добром и злом.

На этом фоне стремление сохранить свой народ и его культуру выглядит "ксенофобией и расизмом", а приверженность христианской модели семьи и традиционной сексуальной морали есть результат "гомофобии". Желания и интересы, что буквально на протяжении тысячелетий разумелись сами собой и, невзирая на все усилия идеологической индустрии, все еще разделяются большинством, объявляются по сути дела не просто незаконными, а прямо-таки несуществующими, сконструированными лишь ради маскировки "ненависти".

Вся эта *демагогия* – не что иное как демагогия, ибо место аргументов для защиты своей позиции занимают обвинения инакомыслящих в аморальности – демонстрирует правильность тезисов, которые я развиваю в этой книге:

Прежде всего, здесь проявляется деструктивная тенденция просвещенческого мышления, согласно которой человеческое общество есть продукт структур и мировоззрений, каковые следует преодолевать. Любые взгляды, кроме порожденных просвещенческой мыслью (сиречь придуманных идеологами за письменным столом) по определению неполноценны и достойны разрушения. Сюда же относится теологическое (целевое – прим. перев.), утопическое понимание истории как пути человечества от первоначальных оков к свободе, к сознательно и рационально планируемому обществу с соответствующим мировоззрением. То есть, нормальным состоянием являются изменения и движение не в любом направлении, но строго к утопии. И если общество на подсознательном уровне усваивает такую установку (а при господстве метаидеологии иначе и быть не может), в нем уже не возникает никакого сопротивления.

Члены общества, которые хранят верность своим ценностям – патриотизму, например, или христианской семье – и не скрывают, что хотели бы видеть их в обществе обязательными, отвергают "норму" (движения), а поскольку движется оно к счастью всего человечества, нельзя позволить им оставаться при своем мнении, ибо за такой позицией может скрываться только неприятие "добра".

Кроме того, проклятия в адрес большинства и его интересов обнаруживают присущую этой идеологии недемократичность и враждебность к народу. **Она в принципе не может признать несовместимости человеческой природы с утопиями, предназначенными для всеобщего осчастливливания. Обостряющаяся с течением времени борьба против интересов большинства с неизбежностью демонстрирует авторитарную природу утопического мышления и разоблачает претензии утопической метаидеологии на "освободительный" характер.**

А ведь речь идет о *том самом* большинстве, на котором держится общество, о большинстве, которое не нуждается ни в толерантности, ни в материальной поддержке. Как же можно не замечать деструктивности мировоззрения, которое во всем, что функционирует нормально и изменяться не спешит, видит только потенциальный объект нападения и разрушения?

Меньшинства, которые стремятся сохранить культурную самостоятельность, систему ценностей и образ жизни вопреки интересам окружающего общества, заинтересованы в том, чтобы скрыть этот конфликт интересов, замаскировать его под квазиморальную проблему и во

всем обвинить "злое" большинство. Они хотят заставить большинство замолчать, а для этого нуждаются в политическом влиянии.

Все это вместе взятое приводит к усвоению двойной морали: осознание и описание противоречия между интересами двух групп, если на него указывают представители большинства, клеймится как "дискриминация", а если меньшинства – признается "защитой законных прав" с выдвижением соответствующих требований.

В этом контексте часто используется теория деконструкции с тем, чтобы... "деконструировать большинство", но от нее немедленно отказываются, как только возникает опасность деконструкции *меньшинства*.

Половая самоидентификация человека объявляется «социальным конструктом», от которого, поскольку речь идет о традиционном различении, надо избавляться как можно скорее, зато гомосексуальная ориентация оказывается «неизбежной судьбой».

«Реакционным конструктом» оказывается этническая принадлежность большинства, зато у меньшинств это – необходимый признак самоидентификации. Такие рассуждения «с двойным дном» очень точно охарактеризовал Мартин Лихтмес:

Сперва по умолчанию принимается, что в «обществе» есть только индивиды, «человеки», а всякие обобщения и идентификации можно конструировать или деконструировать по своему усмотрению – не существует в природе ни «немцев», ни «турок», ни «мусульман», ни «чужаков», это все искусственные конструкты. На самом деле, ни один человек не верит в такие утверждения всерьез, они – риторическое оружие психологической войны - «[двойное послание](#)» предназначенное для того, чтобы выбить почву из-под ног оппонента, одновременно цементируя свою. В одно мгновение в игру снова вводятся групповые идентификации, которые только что начисто отрицались». ([Martin Lichtmesz, Die Vielen und die Totgesagten, in: Die Verteidigung des Eigenen. Fünf Traktate, Schnellroda 2011, S. 61](#))

Многие защитники этнических и религиозных интересов меньшинств действительно «интегрированы», только не в народ, в котором живут, а в его левую фракцию, политика которой направлена на ликвидацию народа или – как они говорят – «деконструкцию большинства» - как в теории, так и на практике.

Идеология деконструкции, как всем известно, прекрасно подходит для того чтобы под видом высокоморальных заповедей проталкивать частные интересы в ущерб интересам общества, т.е. полная противоположность тому, что ассоциируется обыкновенно с моралью.

Не будем гадать, насколько защитники интересов меньшинств сами верят в универсалистские идеологии, фразеологию которых используют. Даже если предположить, что на самом деле они не слепцы, а лицемеры, анализ это упростит, но результат не изменится. А состоит он во взаимовыгодном сотрудничестве между различными меньшинствами и политической левой.

Левые используют частные интересы различных меньшинств для незаметного продвижения своей программы развала общества, маскируя борьбу *против* большинства под борьбу *за* меньшинства, а свою деструктивность – под мораль. Они форсируют массовую иммиграцию, чтобы увеличить число своих избирателей, а возникающие при этом столкновения используют под лозунгом «борьбы с правой опасностью» для затыкания рта своим противникам.

Меньшинства же со своей стороны используют поддержку политической левой для продвижения своих интересов, для которого недостаточно их собственного влияния (причем, стратеги джихада делают ставку на демографический фактор, который рано или поздно даст им возможность отделаться от левых подручных).

Ясно как день, что шансы на выживание общества, принципиально ставящего интересы меньшинств выше насущных интересов большинства и считающего аморальным отстаивать жизненно необходимое, прямо скажем – невелики.

3.0. Причины возникновения и развития латрени

Для выяснения этих причин мы обратимся к некоторым результатам науки, объясняющей поведение человека в обществе – к этологии.

Этология исходит из того, что человек есть продукт долгой эволюции, в процессе которой он приобрел некоторые инстинкты, позволяющие ему выжить в условиях суровой конкуренции с природой и другими людьми. Но очевидно, в западном обществе что-то изменилось, коль оно ставит свое существование под угрозу исчезновения.

В предыдущей статье мы говорили о том, что декаданс начинается тогда, когда основные инстинкты в достаточной мере удовлетворены, а менее сильные инстинкты начинают диктовать поведение людей.

В западном обществе в достаточно степени удовлетворён
инстинкт страха (защита от насильственной смерти);
удовлетворен инстинкт обеспечения энергией (достаточно еды);
удовлетворен инстинкт половых отношений (нет серьезных запретов извне).

Борьба за эти блага перестала быть целью населения западных стран. Если и остались какие-то тенденции, то только в количественном плане, что никак не связано с возникновением латрей.

Кроме количественных существуют и качественные потребности. Если Иван имеет жигули, то Петр хочет мерседес, и каждый из них хочет майбах, и т.д., и т.п., до бесконечности.

Эта неудовлетворённость обеспечивается одним из сильных инстинктов: **инстинктом доминирования**. Он заключается в стремлении занять более высокое место в иерархии данной группы людей, которое может принести новые преференции тому, кто забрался на это место.

Чтобы было понятно, с некоторых пор стремление доминировать называется «пиаром». На школьном и студенческом жаргоне это стремление называется «выпендриванием», «выпендромом» или «выпендрёжем». Если перечисленные выше три основных инстинкта не удовлетворены, то человеку остается мало сил и времени на «выпендрёж». Но в данном случае – я имею в виду современное западное общество – у всех членов этого общества масса свободного времени, полная свобода самовыражения и много возможностей «повыпендриваться».

Возможностей для этого стало особенно много с ростом средств электронного общения. Можно стать известным в мире защитником животных. Можно заняться борьбой за права деревьев и увлечь за собой тысячи идиотов, которых это занятие чрезвычайно выделяет среди других идиотов, приверженных другим латреям. Можно прославиться, перестав есть мясо (вегетарианцы) или даже все продукты животного происхождения (веганы). Ничего страшного, если сам веган (веганша) умрет раньше положенного срока, а его ребенок (по утверждению врачей и биологов) будет дебилом. Для вегана главное то, что о нём постоянно говорят и что он выделен, входит в особую группу людей, которой посвящено много публикаций. (Мне это напомнило религию Боконона в давнем бестселлере Курта Вонегута «Колыбель для кошки»; там родственные души распределялись по «карасам», а «первая фраза в Книгах Боконона читается так: «Все истины, которые я хочу вам изложить – гнусная ложь». Ну чем не латрей!? :-)

Загляните в ютьюб и в различные интернет-группы и посмотрите, какой только глупостью не заняты тысячи людей. Самый примечательный и неожиданный результат этого - реклама товаров и услуг на сайтах этих людей и групп стала очень хорошо оплачиваться, что заставляет молодежь изобретать всё более невероятные латрей.

Еще один неожиданный результат: латрей возникли и в группах больных людей. Дауны, представители ЛГБТ и т.п. меньшинства объявили о том, что они не больные, а особые люди, угнетенные здоровым большинством. А поскольку они тоже являются электоратом, политикам приходится идти на уступки и помогать им в этом деле против здорового большинства. Больным дают правовые преференции, которые не распространяются на здоровых. В результате идеи угнетения больных людей здоровыми проникают даже в школы. А тут уже начинает работать импринтинг; и когда здоровые дети становятся взрослыми, они убеждены, что все так и есть, и что они - здоровые» «по гроб жизни» обязаны особо почитать и размножать этих больных.

Перечисление примеров «выпендрёжа» может занять много места. Приведенные ранее цитаты и ссылки позволяют читателям самостоятельно продолжить знакомство с этой

темой. А я на этом остановлюсь, чтобы моя статья не стала похожа на книгу. В заключение советую познакомиться с одним интервью.

Всегда приятно, когда есть авторитет, который подтверждает твои (в данном случае, мои) мысли. Предлагаю вашему вниманию задиристое и насмешливое интервью профессора С.В. Савельева, которого последователи латрей (и Боконона :-)) немедленно сожгли бы на костре, если бы он переехал на Запад:

Называю вас обезьяной <http://rusrep.ru/2010/06/savelev/>

С.В. Савельев – биолог; он очень хорошо знает, что такое человек, а главное, не стесняется говорить о нем правду.